

Цзян Цююй держала в одной руке меч, в другой — ножны, а в её глазах читались нескрываемое изумление и восторг.

Она не была коренной жительницей этого мира и не знала, насколько невероятно то, что ей удалось вытащить чужое именное оружие, не получив на то разрешения Линь Цзинвэй. Оружие, связанное с владельцем, хранит ему абсолютную верность, и, можно сказать, никто, кроме хозяина, не способен им воспользоваться. Такова природная избирательность артефактов: чем выше уровень оружия, тем сильнее эта черта.

Фу Юэ Люгуан был божественным артефактом, в котором уже пробудился дух. Этот дух, отличавшийся гордым и независимым нравом, не желал позволять никому, кроме Линь Цзинвэй, даже прикоснуться к себе. Даже соученики Линь Цзинвэй не могли взять его в руки. Именно поэтому Линь Цзинвэй была так спокойна, когда Вэй Цин забрала её меч: она знала, что никто, кроме неё самой, не сможет заставить Фу Юэ Люгуан служить.

Но сейчас Цзян Цююй прямо у неё на глазах вытянула лезвие из ножен!

Линь Цзинвэй поддерживала особую связь со своим артефактом и чувствовала, что дух меча не только не сопротивляется, но и ведет себя на удивление воодушевленно. Иными словами, Цзян Цююй не подавила дух силой — он сам рвался в её руки.

Линь Цзинвэй лишь молча нахмурилась и бросила холодный взгляд на клинок. Меч, окутанный аурой бессмертных, мелко задрожал, словно от страха. Дух меча чувствовал недовольство своей хозяйки: причина была ясна — он проявил излишнюю покорность, совершенно забыв о гордости, подобающей божественному оружию. Впрочем, он и сам чувствовал себя невинно пострадавшим.

Линь Цзинвэй отвела взгляд, и дух меча тут же поник, а сияние клинка заметно потускнело.

Цзян Цююй не заметила этих тонкостей. Она отложила ножны в сторону и сжала рукоять. Металл был прохладным на ощупь, словно гладкий бараний жир. В детстве Цзян Цююй мечтала стать героиней-воительницей, поэтому питала инстинктивную симпатию к мечам. Держа Фу Юэ Люгуан, она внезапно почувствовала прилив отваги, будто сама стала той самой защитницей справедливости, карающей злодеев!

А поскольку перед ней находился лишь один злодей, Цзян Цююй даже не видела ничего комичного в том, что угрожает человеку его же собственным оружием. Она крепче перехватила рукоять и взмахнула рукой, описывая мечом дугу. Длинное лезвие рассекло воздух, издав звонкий гул. Когда она остановилась, кончик Фу Юэ Люгуана уперся прямо в грудь Линь Цзинвэй.

Острые слегка продавило кожу, и холод металла стал ощутимо жечь — казалось, еще мгновение, и меч пронзит сердце Линь Цзинвэй.

Цзян Цююй подумала: Ого! Как весело!

Линь Цзинвэй: ...

Дух меч: !!! Помогите! Хозяйка, я правда не хотел!

Хотя дух Фу Юэ Люгуана существовал уже давно, его сознание напоминало трех-четырехлетнего ребенка, который в человеческом облике выглядел бы как пухлый малыш. Он не понимал, почему так легко поддался Цзян Цююй, но основы верности осознал. Он направил острие на собственную хозяйку — разве это не попытка цареубийства? Но он и помыслить не мог о подобном! Линь Цзинвэй была его избранной хозяйкой, как он мог желать её смерти?

Линь Цзинвэй чувствовала ужас и панику духа, который изо всех сил пытался отклонить острие в сторону, лишь бы не нести на себе клеймо убийцы владельца. Линь Цзинвэй даже не знала, что сказать. Несмотря на свой острый ум и стойкий характер, она на мгновение лишилась дара речи.

Цзян Цююй, охваченная азартом, прониклась симпатией к Фу Юэ Люгуану и даже подумала: а не обзавестись ли и мне собственным мечом?

Стоило этой мысли возникнуть, как в душе Цзян Цююй вспыхнуло острое чувство ярости. Она моргнула, не успев понять, что происходит, как Золотая Нить вылетела из её внутренних покоев и молниеносно обвила руку, державшую меч. Руку пронзило онемение, и Цзян Цююй машинально разжала пальцы. В следующее мгновение Золотая Нить с силой отшвырнула Фу Юэ Люгуан — меч с жалобным звоном ударился о пол.

Цзян Цююй: Ой-ой!

Она чувствовала себя нерадивым хозяином, который тайком гладил чужого кота, но был пойман с поличным собственным питомцем, и под обвиняющим взглядом своего любимца не могла вымолвить ни слова оправдания.

Хотя у Золотой Нити еще не пробудился дух, такие артефакты обладают инстинктивным чувством собственности. Она ни за что не могла допустить, чтобы хозяйка, уже имея её, искала себе другой именной артефакт. Другие артефакты Цзян Цююй — Юэ Люхуэй и Хуа Нуньин — были парными зонтами, не уступающими Золотой Нити в ранге, и та их терпела лишь потому, что хозяйка никогда не помышляла сделать их своими основными инструментами. Но с Фу Юэ Люгуаном всё было иначе.

В тот миг Золотая Нить почувствовала, что хозяйка всерьез заинтересовалась мечом и даже готова заменить её! Золотая Нить больше не могла сдерживаться и, подобно разъяренному коту, лапой отшвырнула этот зеленый чайный меч, посмеявшийся соблазнить её хозяйку.

Фу Юэ Люгуан лежал на полу, жалкий и несчастный, но никто не обращал на него внимания. Цзян Цююй была занята тем, что успокаивала Золотую Нить, а Линь Цзинвэй размышляла о

странном поведении меча. Атмосфера между ними была неожиданно гармоничной.

Первой опомнилась Линь Цзинвэй. Она подняла глаза на Цзян Цююй и увидела, что переменчивая властительница демонов с пушистыми ушами на макушке сосредоточенно рассматривает своё запястье. Золотая лента обвивала её руку, а пара больших хвостов неловко, но старательно завязывала бантик на этой ленте.

Золотая Нить, которую забавляли эти хвосты, уже сменила гнев на милость и теперь довольно обвивала запястье хозяйки, служа украшением. Линь Цзинвэй бросила взгляд на лежащий на полу Фу Юэ Люгуан. Тот был страшно обижен и, заметив, что на него наконец посмотрели, начал мелко подрагивать, стараясь привлечь внимание.

Позорище, подумала Линь Цзинвэй и, сделав вид, что ничего не заметила, отвела взгляд.

Фу Юэ Люгуан: QAQ

Цзян Цююй наконец утихомирила Золотую Нить, а система, пребывавшая в глубоком шоке, начала приходить в себя. Когда Цзян Цююй направила меч на Линь Цзинвэй, система остолбенела и долго не могла издать ни звука. Лишь когда Золотая Нить отбросила меч, система заикаясь произнесла:

— Ты... ты использовала именно артефакт Линь Цзинвэй, чтобы угрожать ей самой?

Самое возмутительное было в том, что Фу Юэ Люгуан действительно послушался её! Если бы Цзян Цююй тогда всерьёз захотела причинить вред, стал бы меч ей помогать? Система этого не знала, ведь появление Золотой Нити прервало этот момент.

Цзян Цююй взглянула на холодную красавицу напротив. Белое исподнее Линь Цзинвэй слегка распахнулось, обнажая нежную, фарфорово-белую кожу. Хвосты за спиной Цзян Цююй снова заходили ходунгом.

— Разве это сложно? — небрежно ответила она системе.

Хотя в последний момент она и почувствовала сопротивление Фу Юэ Люгуана, до этого меч был весьма послушен.

Система не знала, стоит ли называть её невежественной или бесстрашной:

— По логике вещей, ты злодейка, а Фу Юэ Люгуан — именно артефакт героини. Как он мог тебя послушаться?

— Но ведь послушался же, — уверенно парировала Цзян Цююй.

Именно поэтому система была в таком шоке. Цзян Цююй и сама не понимала почему, но вникать в это не хотела — её хозяйка меча интересовала куда больше, чем сам артефакт.

Под водой пушистый хвост уже обвился вокруг голени Линь Цзинвэй и начал медленно скользить вверх. На поверхности Цзян Цююй, сидящая в метре от Линь Цзинвэй, невозмутимо поправляла Золотую Нить на запястье, словно всё происходящее под водой не имело к ней никакого отношения. Это всё проделки шаловливого хвоста, при чем тут она, невинная душа?

Если бы её уши не дрожали от волнения и вины, Линь Цзинвэй, возможно, и поверила бы в её невинность. Но она не отстранилась, стояла прямо, позволяя мягкому прикосновению скользить от лодыжки к бедру, где хвост начал настойчиво тереться, проверяя её реакцию. Цзян Цююй даже не смотрела на Линь Цзинвэй, но её уши на макушке стояли торчком, выражая крайнюю настороженность.

Попустительство Линь Цзинвэй делало Цзян Цююй всё смелее. Поначалу она хотела лишь коснуться голени, полагая, что такая холодная и возвышенная дева, как Линь Цзинвэй, не вынесет домогательств великой демоницы. Как говорится, чем сильнее сопротивление, тем больше азарт. Но Линь Цзинвэй была слишком спокойна — она не сопротивлялась!

Цзян Цююй вошла во вкус: она во что бы то ни стало хотела увидеть выражение невыносимого страдания на лице Линь Цзинвэй!

Как раз когда кончик хвоста поднялся выше и почти достиг запретной зоны, снаружи раздался голос Цзяо Юэ, разрушивший это напряженное и волнующее мгновение:

— Госпожа, стража поймала двух человеческих заклинателей. Не знаем, как с ними поступить. Они называют себя учениками школы Цинхэ!

<http://bllate.org/book/21743/2247864>